



## МІЖНАРОДНЫ КАНГРЭС ДАСЛЕДЧЫКАЎ БЕЛАРУСІ

### Секцыя 8. Палітыка разнастайнасці ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе

**Ганна Васілевіч**

*“Беларуская меншасць у Польшчы: калі права мусіць лічыцца з эканомікай”*

Беларуская меншасць у Польшчы ёсць адной з трох аўтахтонных беларускіх меншасцяў у сучасных межах Эўразьвязу. Сканцэнтраваная пераважна ў паўдзённа-ўсходніх раёнах Падляскага ваяводства (Гайнаўскі і Бельскі паветы), беларуская нацыянальная меншасць згодна з вынікамі нацыянальнага перапісу 2002 году мае найбольшы тэрытарыяльны патэнцыял сярод усіх нацыянальных і этнічных меншасцяў у Польшчы.

Беларуская меншасць мае большасць фармальных атрыбутаў, якія ствараюць яе адрознасць – мэдыі, культурніцкія імпрэзы, актыўны ўдзел у грамадскім і палітычным жыцці прынамсі на лякальным і рэгіянальным узроўнях. Гэта таксама пацвярджае высокую ступень інтэграванасці беларускай меншасці ў польскае грамадства. Пры гэтым, аднак, галоўнай праблемай беларусаў на Падляшшы ёсць хуткія тэмпы асыміляцыі, што набралі хаду ў апошнія гады, праявай чаго ёсць ня толькі афіцыйная лічба беларусаў, але і дэфармаваная ўзроставая структура беларускай меншасці.

Гэты тэкст прадстаўляе аналіз польскага Закону 2005 году (прынятага пасля далучэння краіны да Эўразьвязу) аб нацыянальных і этнічных меншасцях і аб рэгіянальнай мове з пункту гледжання рэалізацыі калектыўных правоў беларускай меншасці.

З аднаго боку, закон цалкам адпавядае эўрапейскім стандартам у справе аховы нацыянальных і этнічных меншасцяў і забараняе якія-кольвек захады, накіраваныя на асыміляцыю меншасцяў і зьмену этнічных прапарцыяў у рэгіёне кампактнага пражывання пэўнай меншасці.

Зь іншага боку, нягледзячы на згаданыя эўрапейскія стандарты, можна казаць пра розны падыход да рэалізацыі індывідуальных і калектыўных правоў у кантэксце аховы нацыянальных меншасцяў у Польшчы. Калі стандарт першых у польскім заканадаўстве ёсць даволі высокім, то рэалізацыя калектыўных правоў ня ёсць такой адзначнай, нават нягледзячы на тое, што Польшча падпісала ўсе галоўныя пан-эўрапейскія дакументы датычна аховы нацыянальных меншасцяў.

З гэтага вынікае пытаньне, ці ў стане згаданыя ў законе захады дапамагчы запабегчы хуткую асыміляцыю беларусаў на Падляшшы? Ці варта пры гэтым улічваць іншыя істотныя фактары, якія могуць мець уплыў на эфэктыўнасць польскага заканадаўства? Відавочна, што польскі Закон аб нацыянальных і этнічных меншасцях і аб рэгіянальнай мове у кантэксце сытуацыі беларускай меншасці ў Польшчы нельга разглядаць толькі ў фармальна-юрыдычнай трактоўцы, бо адных праўных захадаў недастаткова, калі эканамічная сытуацыя ў рэгіёне ў значнай ступені замінае рэалізацыі палажэнняў закону пра запабяганьне асыміляцыі меншасцяў і зьмену этнічных прапарцыяў у месцах іх кампактнага пражывання.

## Кірыл Касцян

### “Панятка “нацыянальная меншасць”: дынамізм ці статыка?”

Аналіз заканадаўства аб нацыянальных меншасцях у Беларусі ставіць пытаньне аб самым панятку “нацыянальная меншасць” ў кантэксце беларускага заканадаўства. Сапраўды, нягледзячы на тое, што беларускае заканадаўства зазнала даволі слабы наўпроставы ўплыў эўрапейскіх нормаў, стварыўшы пры гэтым уласныя нарматыўныя і інстытуцыйныя рамкі дзеля рэалізацыі палітыкі ў сфэры нацыянальных меншасцяў, змест панятку “нацыянальная меншасць” у кантэксце беларускага заканадаўства ў значнай ступені адпавядае эўрапейскім стандартам.

Адмысловы Закон Рэспублікі Беларусь “Аб нацыянальных меншасцях” грунтуецца на Канстытуцыі і прынцыпах міжнароднага права як у вобласці правоў чалавека, так і нацыянальных меншасцяў. Гэта прадугледжвае гарантаваньне рэалізацыі як індыўдуальных, так і калектыўных правоў і інтарэсаў прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў.

Пад нацыянальнымі меншасцямі заканадаўца разумее асобаў, якія “стала пражываюць на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь і маюць грамадзянства Рэспублікі Беларусь, якія па сваім паходжаньні, мове, культуры ці традыцыям адрозьніваюцца ад асноўнага насельніцтва рэспублікі”. Такім чынам, беларускі заканадаўца акрэсьлівае панятка “нацыянальныя меншасці” на падставе стандартных для эўрапейскіх заканадаўстваў:

1. грамадзянства і
2. колькаснай меншасці, якая лічбава базуецца на мове, культуры і традыцыях і вызначаецца індыўдуальным выбарам кожнага асобнага чалавека.

Пры гэтым, беларускі заканадаўца не вызначае нейкіх дадатковых крытэраў дзеля акрэсьленьня таго, чым ёсьць нацыянальная меншасць. Такімі крытэрамі могуць быць:

1. “гістарычнасьць”, якая вызначаецца трывалымі сувязямі зь дзяржавай/тэрыторыяй (Чэхія, Эстонія) і/ці мінімальным тэрмінам пражываньня на гэтай тэрыторыі (Польшча, Вугоршчына),
2. вызначаны сьпіс групаў, якія прызнаюцца нацыянальнымі меншасцямі (Нямеччына, Польшча), які таксама зьвязаны з п.1.
3. мінімальная колькасьць асобаў, якія належаць да той ці іншай меншасці.

Такім чынам, можна казаць пра тое, што беларускі заканадаўца стварае найшырэйшую інтэрпрэтацыю панятку “нацыянальная меншасць”, якая грунтуецца толькі на двух падставовых крытэрах – грамадзянства і колькасьць. Гэта стварае пэўную патэнцыйную дылему –

- з аднаго боку, такая інтэрпрэтацыя дазваляе даволі “дэмакратычнае” трактваньне таго, якія групы ёсьць нацыянальнымі меншасцямі.

- зь іншага боку, адсутнасьць дадатковых крытэраў дэ факта ставіць заканадаўцу перад сытуацыяй, калі “традыцыйныя” меншасці, якія часта можна назваць “аўтахтонамі” (палякі, рускія, татары) ставяцца ў роўную сытуацыю з “новымі” групамі.

У выніку атрымліваецца, што беларускі заканадаўца адмовіўся ад “статычнага” трактваньня нацыянальных меншасцяў на карысьць “дынамічнага”, якое ў значнай ступені залежыць ад дэмаграфічных працэсаў у краіне з патэнцыйна неакрэсьленай вялікай колькасьцю групаў, якія можна ўважаць за меншасці.

Тэкст прапануе аналіз беларускага заканадаўства датычна нацыянальных меншасцяў з пэрспэктывы наяўнасьці ягонаў сучаснай “дынамічнай” трактоўкі і аналізуе ягоньня слабыя і моцныя бакі ў рэгіянальнай і шырэйшай эўрапейскай пэрспэктыве. Дыскутуецца рэлевантнасьць увядзеньня “статычных” абмежаваньняў датычна панятку “нацыянальная меншасць”, характэрных для пэўных нацыянальных заканадаўстваў рэгіёну, у кантэксце рэчаіснасьці беларускага грамадства.

**Александр Осипов**

***“Cultural Autonomy and Projects of Equality after the USSR”***

The paper addresses the legislation, policies and politics concerning “national-cultural” or “cultural” autonomy for ethnic groups (hereinafter – NCA) in some of the former Soviet republics.

The very idea of the NCA goes back to liberal and socialist thinkers of the late 19<sup>th</sup> century. Soviet official propaganda condemned and rejected the idea of the NCA. The overall liberalization of the late 1980s in the USSR lifted the ban on debating the issue, and non-territorial arrangements became a subject of extensive debates again. The term was introduced into the domestic legislations of Estonia, Latvia, Russia (at the federal and regional levels) and Ukraine shortly before or after the Soviet Union’s breakdown.

The term NCA has acquired two basic meanings. The first referred to a general principle by which citizens collectively pursue their rights and interests related to their ethnic origin, language and culture. The second indicated a specific form of ethnicity-based organization. A closer examination of the domestic laws and their implementation reveals that the first interpretation brings no added value to the broader legislation on culture, education and the right to association while the second one is either ignored or implemented inconsistently. The major contradiction can be described thus as a gap between the declared significance and utilitarian impracticality of NCA. In the meantime, the notion is still persistent in public discussions, and there is obvious demand for the respective logo and buzzword among politicians, academics and minority activists.

A comparison of different strands within public discourses on ethnicity shows that NCA has become part and parcel of mainstream approaches to the conceptual organization of ethnic diversity. Ethnic differences are acknowledged only in terms of “groups”; controversies are encoded with the notion of “culture”; the issues of territorial affiliation becomes the crucial one; social equality is diluted among the issues of groups’ recognition, “development”, symbolic participation in polity, and “fair” classification. Thus, NCA has no utilitarian meaning, but rather contribute to a publicly acceptable representation of social reality, or symbolic (re)production of social reality. Dissemination of these socially acceptable narratives concerning ethnic diversity turns to be a mechanism of power and social cohesion.

**Konrad Hierasimowicz**

***“National Identity and History Discourses in the Social Media. Case Study: Belarus”***

The autumn of 2011 marks the 20th anniversary of Belarusian independence from the Soviet Union. But even after two decades of state independence, generally accepted concepts of national history and identity do not exist. Two disparate discourses divide society along an east-west axis of historical interpretation. The official position tends to interpret Western influences as alien and colonial, the oppositional discourses regards the Russian and Soviet presence mostly in the light of hostile imperialism.

Modern national identities are products of the media. From this perspective the current media revolution is interesting, because of the shift of dominance from unidirectional mass media such as print and broadcast to the multidirectional mass medium – Web 2.0. Because the strong tensions between the different Belarusian discourses of history, character and spatial political localization of the nation have not change significantly for decades, the media revolution could have an impact on the relations between their discourse groups. Since the beginning of the last decade these discourses have increasingly been taken place online. The primary motives for this phenomenon are based on political and economic factors. The state censorship, which tries to restrict the publication of deviant opinions, can easily be avoided in a

relatively inexpensive way. Using appropriate discourse analytical tools, my paper will investigate online discourses about Belarusian history and identity. These discourses arise out of the knowledge of different scientific and ideological cultures. The main goal is to investigate how national discourses on the internet follow their traditional practices of the print media era, and to which degree new logics of knowledge transfer allow a relativisation of the established dichotomic vantage points. Which power-relations and logics develop in the new medium? Is it possible to identify different trends?

There are a number of problems with which the researcher is confronted. For example: Can we speak about the social media or web 2.0 as a thing-in-itself? What does »national identity« means and is its quality the same than 20 years ago?

Furthermore, the central question motivates general considerations about opportunities and challenges of knowledge transfer and popular scientific practice in the rapidly evolving user generated content media environment. Is there a possibility to objectify the culturally conditioned patterns of historical interpretation and to integrate them into a reflective transnational discourse? Could such an objectified and demystified history be a basis for a popular national history?

**Ewa Chylinski**

***“European Standards, Multilingualism and Minority or Regional Languages in Belarus: a quest for inclusive diversity”***

Belarus, like many post-Soviet states, has been trying to establish its separate cultural and linguistic identity. Being a home for over 80 different nationalities, most of the being post-Soviet groups, there is no doubt that it requires a careful balance between the urge of brining Belarus language to the front stage and accepting the reality of multilingualism.

This identification is strongly contained in the classical one-nation state equation “ the state – the titular nation – the state language (of that nation)”

The Belarus domestic legal framework is strongly focused on the development, promotion and promulgation of the state language use, yet much of the language corpus and system needs further evolution (first modern Belarus grammar was adopted in 1959 with modifications in 1985). This renders more space for the main second language – the Russian language, making the country bilingual, while other minority languages are outside the public space even in the regions where minority groups are significant. Also two main rather distinct dialects of Belarus are studied in the ethnographic or linguistic aspect, without being considered as potential regional languages. That leaves Belarus very much in the realm of continuing Soviet period policies of language enhancement, elaborating won standards and approaches. While in many European countries the minority languages are addressed in several aspects of public life, Belarus could adopt many of those norms without compromising the status of the state language and the Russian language.

One of such norm-setting standards is the European Charter for Minority or Regional Languages. The Charter is often regarded as a problem-solving measure, yet it is more likely to serve as a device that confirms and consolidates a consensus over status that has been reached by other means.

The modeling of the Belarus minority languages on the European standards will be the focus of the contribution.

**Dmitry Dubrovsky**

***“Working with the empty space: special programs promoting tolerance in Russia”***

Multi-culturalism as politics of diversity traditionally includes the special initiatives in the field of promoting tolerance and preventing xenophobia on religious and ethnic bases. In particular, the special state supported programs on tolerance, mainly in so called inter-cultural dialogue, are one of the favorite ways to disseminate values of multi-ethnic and multi-confessional society.

Russia has experienced in this kind of programs on the different level, from federal to regional.

To understand, what exactly means by multi-culturalism, who are the main actors of this process from the Russian authorities point of view, several important questions have to be answered.

First of all, very interesting to survey the structure of this programs: who are the target group of this programs, what kind of measures suppose to apply to promote tolerance among potential target group, what kind of dimensions has the tolerance program under consideration.

Secondly, very interesting to explore, what is the mechanism of these programs' elaboration and implementation, who were the experts contributed into the program development.

Finally, the language of these programs allows to conclude, that the implementation of this programs do not bring benefit into the real situation with minority rights, because of cultural-oriented character, essentialist discourse and lack of real target group, such as police officers, state officials and so on. But the main problem seem to the follow: the real gap between socio-cultural situation with minority in the Russian society and the main foci of the programs under consideration.

Thus, the real implementation of these programs is possible to describe as “working with empty space”.

**Андрей Стародубцев**

***“Представительство интересов этнических групп и трансформация политических институтов в России”***

Российской общество может быть охарактеризовано как многосоставное. Согласно А. Лейпхарту, многосоставным называется такое общество, в котором «линии политического противостояния частично или полностью совпадают с линиями социального разделения общества». «Политическое противостояние» в данном случае можно понимать довольно широко – от телевизионных дебатов до вооруженных столкновений.

Существуют различные способы управления конфликтами в многосоставных обществах. Первый способ заключается в том, чтобы использовать различные виды насилия – ограничивая гражданские права и свободы представителей этнических меньшинств, отказывая в регистрации соответствующих общественных организаций, а также их печатных органов и т.д. Другой вариант – это «ручное управление»: центральные власти вмешиваются в межэтнические конфликты в тот момент, когда необходима непосредственная реакция. Существующие проблемы разрешаются в режиме «тушения пожара» путём заключения закулисных соглашений с представителями противоборствующих сторон, срочным вливанием дополнительных бюджетных средств в экономику соответствующих территорий, введения формального или неформально внешнего управления. Третий вариант ориентирован на предотвращение таких пожаров,

причем способом, в наибольшей степени удовлетворяющим конституционным нормам демократического правления. Он заключается в том, чтобы создать такую государственную систему, которая воспринимала бы требования различных социальных групп, трансформируя их в вопросы, обсуждаемые на парламентском уровне, и удовлетворяла их так, чтобы это не вредило единству государства и стабильности политической системы.

Эти три стратегии можно охарактеризовать через степень вовлечения этнических групп в процесс принятия государственных решений. Очевидно, что в первом случае такое участие исключается и признается вредным. Во втором случае представительство этнических групп соответствует корпоративистской модели взаимодействия государства и групп интересов. Наконец, третий вариант предполагает создание специальных каналов представительства интересов этнических групп. В качестве таковых можно назвать формирование субъектов федерации по этно-территориальному признаку и, соответственно, присутствие представителей этнических групп в верхней палате парламента; функционирование этнических партий; эффективное функционирование института национально-культурных автономий и др.

За последние двадцать лет в России не было создано легитимной системы представительства интересов этнических групп. 1990-ые годы характеризуются ситуативным взаимодействием федеральных властей с представителями некоторых этнических групп, обладающих шантажным потенциалом. Усиление федерального центра в начале 2000-ых годов привело к использованию подобной практики взаимодействия лишь в крайних случаях. Параллельно была существенно снижена роль верхней палаты парламента и других институтов федеративного государства. Институты этнической нетерриториальной автономии также не стали влиятельным каналом взаимодействия этнических групп с государством.

В течение 2000-ых годов, отвечая на различные проявления многосоставного общества, центральные власти использовали комбинацию из первых двух вариантов управления: они в срочном – пожарном – порядке привлекали лояльные организации, представляющие интересы этнических групп, для урегулирования конфликтов путем переговоров или их имитации, параллельно препятствуя деятельности «нелояльных» организаций и групп.

Такой способ управления многосоставным обществом представляется эффективным лишь здесь и сейчас. Изучение опыта других государств указывает на возможность всплеска дезинтеграционных процессов в долгосрочной перспективе.

### **Ксения Заика**

#### ***“Дискриминация русскоязычных авторов в современной Беларуси: взгляд из Москвы”***

Автор полагает, что в Беларуси, несмотря на официальное признание двух языков и распространение русского языка в повседневном общении, наблюдается дискриминация русскоязычных авторов.

Автор рассматривает проблему преимущественно в дискурсивном ракурсе. Дискурсивная дискриминация - отказ/ограниченный доступ к определенным областям деятельности или сферам влияния, объясняемый принадлежностью к якобы «иному», «не-аутентичному» культурно-лингвистическому сообществу.

*Дискриминация русскоязычных авторов в Беларуси происходит следующим образом:*

- посредством практик дискурсивной дискриминации, которые будут описаны ниже и являются фокусом исследовательского интереса автора тезисов ;

- белорусскоязычный центризм в политике влиятельных белорусских культурологических журналов («ARCHE»);

- наметившаяся тенденция к ограничению сфер влияния русскоязычных белорусских авторов, озвученная известной журналисткой М. Алешкевич: «Тыя аўтары, якія пішуць на рускай мове, маглі бы спрычыніцца да запаўнення вольных нішаў у нашай літаратуры»;

Для рассмотрения практик дискурсивной дискриминации русскоязычных авторов в Беларуси релевантными являются концепции, предложенные К. Бореус и Ф. Эссед (K. Boreus, Ph. Essed):

1. Культурное противопоставление/культурное дистанцирование;
2. Стереотипизированное представление Другого;
3. Публичная проблематизация культурных идентичностей «носителей иных культур»;

4. Гипертрофированная (избыточная) акцентуация культурных отличий;

Дискурс-анализ публицистики Адама Глобуса для демонстрации практик дискурсивной дискриминации.

Адам Глобус – один из самых популярных белорусских эссеистов и публицистов. Его тексты в определенной степени собирательно выражают умонастроения образованных белорусов.

«Расейская кунсткамера»: а) представление «универсальных» формул для акцентуации культурно-антропологических различий между белорусами и россиянами;

Интервью с А. Глобусом: *Белорусский Партизан*, 18.02.2001: «язык является кодом национальной морали: «Ты похож на отца» vs «Ты падобны да бацькі»:

- а) эссенциалистские и культуралистские установки белорусскоязычных авторов;
- б) выражения, используемые белорусскоязычными авторами, в частности, А. Глобусом не только акцентируют, но и формируют в массовом сознании читателей представления о существовании радикальных культурно-антропологических различий;

В публичном поле Беларуси, в частности, в литературной (публицистической) сфере, происходит борьба между моноязычным и дву(полиязычным) определением «белорусскости». Это проявляется в:

- проблематизации белорусской *традиции* в литературе;
- подмене национального определения этнокультурной составляющей, свидетельствующая о «комплексе постколониального сознания»;
- противопоставлении «белорусскости» как *национального проекта* (В. Мартинович, А. Мальдис) и как *националистического проекта* (моноязычный подход В. Орлова, А. Рязанова, А. Глобуса и т.д.);

Дискриминация русскоязычных авторов в Беларуси позволяет предположить следующее:

1. Акцентуация этнокультурной составляющей в определении «белорусскости» свидетельствует об отсутствии консенсуса среди интеллектуалов и литераторов по поводу модели национального сообщества в Беларуси (моноязычное или дву(поли)язычное);

2. В публицистике проявляется дискурсивная борьба между моноязычным и полиязычным определением «белорусскости»;

3. Не завершены процессы «интеллектуальной деколонизации»;

4. Культурно-политическую ситуацию в современной Беларуси можно назвать постколониальной (культурная двойственность и создание множества новых культурных смыслов в ситуации раздвоенности);

**Anna Tarasenko**

***“Governing the Diversity: Ethnic and Religious Representation in Consultative Bodies (the case of St. Petersburg)”***

Ethnic and religious diversity demand particular instruments for representation and involvement into policy making process. This works not only for democracies where representation of citizens' interests embedded in the principle of accountability provided by elections. But it also works for semi-democratic and nondemocratic countries which lack feedback mechanisms in the absence of fair and open elections or their negligibly small importance. In order to escape escalation of preexisted social conflicts in a given society every government (irrespective of political regime) is to channel diversify interests represented by variety of civic organizations into negotiation process. And this is exactly the case of such multi-ethnic and multi-cultural country as Russia. Social diversity theory implies that such societies produce wide network of social institutions (NGOs) which represent and protect interests of particular social groups, including ethnic and religious minorities. So, it is interesting to address the question about the possibilities and particularities of ethnic and religious representation Russian state provides.

There are several trends in the policy can be determined. First of all, particular body – the Council on cooperation with religious organizations under the President was established in 1995. This council embraces a wide representation of different religions and is aimed at providing a multi-cultural collaboration. Secondly, federal authorities have put a lot of efforts (adopting administrative regulations) into establishing particular mechanisms for interest representation at the local level. The case of St. Petersburg demonstrates how these efforts were applied. The Council on cooperation with religious organizations under the governor has existed since 1998 and can be seen as an impact of federal policy. In contrast to the federal consultative body, this council embraces mostly academics and experts on religious and ethnic affairs. It is interesting to emphasize that ethnic and religious representation is provided by the councils which established under the security and defense agencies: Public Council under the State Agency of Internal Affairs on St. Petersburg and Leningrad region, Public Council under the Investigation Committee of Prosecutor's Office, Consultative Public Council under the Federal Emigrational Service on St. Petersburg and Leningrad region. It is also important that the Committee on external relations of St. Petersburg government is empowered to cooperate with religious organizations. All these facts show particular tendencies in policy towards ethnic and religious representation. It results in the possibilities and limits for different ethnic and religious group represent and negotiate their interest in the process of cooperation with authorities and other social groups.

**Наталья Кутузова**

***“Антисемитизм в интеллектуальном пространстве и общественной жизни Беларуси”***

Актуализация расовых теорий в постсоветском пространстве была следствием социокультурных и экономических процессов, происходящих в постсоветских обществах. Для постсоветских стран в конце 90-х годов было характерно избыточное перепроизводство гуманитарной интеллигенции, занятой в сферах творчества, науки, образования. Заниженная оценка вклада интеллигенции в систему экономики, невысокие доходы породили специфические ответные реакции в виде национально ориентированной идеологии. В среде гуманитарной интеллигенции оживились идеи национального (или этнического) возрождения, которые явились идеологической основой для новых религиозных, общественных и политических организаций.



В Беларуси расология в чистом виде успеха не имела, так как Беларусь, как и другие постсоветские страны, переживала подъем собственного белорусскоязычного национал-демократического движения. Но с конца 90-х годов и до сегодняшнего времени панславянское движение находится под влиянием московских расовых теоретиков, которые предлагают общественности ответы на актуальные вопросы, одним из которых является проблема национальной идентичности русского народа в многонациональной России и постсоветских не-русских регионах. После 2000 года панславянское движение переживает энтропийные процессы, фрагментаризацию. Один из его сегментов – это московоцентричная военная интеллигенция – последователи эклектической философии (окультизм, мистика, элементы неоязычества, нордической расологии) генерала К. Петрова (движение «К Богодержавию!»). Следующий сегмент – неоязыческоеродноверческое движение, следующее в русле расологии (П. Тулаев, Г. Лозко, В. Сацевич, В. Авдеев и пр.). В последние годы к движению примкнули немногочисленные группы православных верующих, протестующих против принятия индивидуальных номеров налогоплательщиков (ИНН) и товаров, маркированных штрих-кодом; а также православные монархисты – последователи идеологии Союза Русского Народа. В итоге, общим основанием для «панславянской философии и идеологии» стала борьба с «иудео-масонским заговором» и «жидовским игом». Активные выступления лидеров панславянского движения в прессе, распространение «патриотической» литературы, которая пестрит оскорбительными высказываниями по отношению к евреям и иудаизму, – все это было расценено Союзом белорусских еврейских общественных объединений и общин как деятельность, направленная на разжигание религиозной и национальной вражды и розни в Республике Беларусь.

### **Валентин Мазец**

#### ***“Тенденции национальной политики в БССР (1944 – 1990 гг.)”***

В сфере национальной политики в 1944 – 1953 гг. на смену борьбе с “нацдемами”, что было характерно для 20-х – 30-х гг., приходит борьба с “любыми проявлениями национализма: белорусского, польского, еврейского и др.” Для достижения целей национально-государственной политики в ряде случаев, как и в предвоенный период, применялись репрессивные методы, однако преобладающей становится организация и проведение многочисленных идеологических кампаний.

Руководство БССР большее внимание уделяло воспитанию гражданственности и советского патриотизма. Значительным препятствием для унификации национально-культурной жизни западных областей БССР было присутствие на этой территории большого количества польского населения. Это препятствие частично было устранено в результате проведения обмена населением между БССР и Польшей. В послевоенный период русский фактор (язык, учебная и научная литература, руководящие и педагогические кадры, трудовые ресурсы РСФСР) использовался политическим руководством СССР в качестве инструмента идеологической и культурной унификации, что в свою очередь оказывало негативное воздействие на развитие национальной самобытности белорусов.

Проведение национально-государственной политики в 1953 – 1964 гг. было направлено на дальнейшую интернационализацию и унификацию национально-культурной жизни. По сравнению с предыдущим периодом граждане получили относительную свободу для публичного обсуждения национально-государственной политики. Обусловлено это было в первую очередь общегосударственной политикой относительной либерализации общественно-политической жизни, которая сопровождалась отказом от широкого использования методов принудительного

воздействия и преобладанием пропагандистско-идеологических форм работы в реализации национально-государственной политики.

Национальная политика в 1965 – 1984 гг. была направлена на дальнейшую интернационализацию национально-культурной жизни в республике, а в качестве объективной закономерности провозглашалась неуклонное сближение наций, которое должно было привести к полной унификации и формирования советского народа в рамках СССР. Была установлена устойчивая тенденция сужения сферы функционирования белорусского языка в БССР на протяжении рассматриваемого периода, которая наиболее очевидно проявилась в области школьного и высшего образования, а также в выпуске печатной продукции и периодических изданий.

При проведении национальной политики декларировались фактически разные, противоречивые по своей сути задачи. С одной стороны, речь шла о наиболее полном удовлетворении нужд национально-культурного развития всех наций и народностей СССР. Это, в свою очередь, должно было объективно сопровождаться ростом национального самосознания и усилением центробежных тенденций. С другой стороны, провозглашалась необходимость борьбы против национальных особенностей, которые рассматривались как проявление национальной ограниченности и национализма.

Анализ комплекса мероприятий, которые реализовывались в БССР в сфере национальной политики в течение 1985 – 1990 гг., прежде всего в сфере образования, позволяет их характеризовать как начало очередного этапа белорусского национально-культурного возрождения. Установлено, что в связи с реализацией Закона «О языках в Белорусской ССР» представители этнических меньшинств республики получили правовые возможности для удовлетворения потребностей национально-культурного развития.

### **Ирина Михеева**

#### **“Феномен национального в глобализационном контексте: от неоимперских амбиций до постколониальных комплексов?”**

1. Усиливающаяся социокультурная интеграция в мировом масштабе неизбежно обнаруживает ряд проблематичных последствий нарастающих центростремительных процессов, что вызывает к жизни соответствующую реакцию со стороны сил, маркирующих собой центробежные (анти-интеграционные, локально-ориентированные) тенденции. Обозначенная характеристика современности своеобразно преломляется в восточноевропейском регионе, где на глобализационный контекст накладываются коммунистическое прошлое и пост-коммунистическое настоящее. Это обстоятельство в значительной степени определяет специфику региональных «локальных ответов» на мировые вызовы и угрозы. Все их разнообразие можно свести к двум исходным вариантам, условно обозначаемым нами как *неоимперский* и *постколониальный*.

2. Первый – неоимперский – ответ на глобализационную динамику дает, прежде всего, Россия, в том числе и в его наиболее радикальной и артикулированной версии, оформленной в *новоконсервативной русской идеологии*. Суть этой позиции сводится к ряду амбициозных постулатов и очевидно «имперской логике» коммунистического образца, которые в своей совокупности задают для России идеал «мобилизационного общества» перед глобализационной угрозой. Локальный характер этого «ответа» определяется антизападной и антиамериканской риторикой, а также претензией на конструирование специфического русского (славянского) неоконсервативного дискурса, органично вбирающего в себя ключевые ценности и смыслы национальной духовной традиции (от славянских языческих верований и православной доктрины до классических евразийских и пост-коммунистических идеологических проектов).

3. На другом полюсе восточноевропейских поисков национального самосохранения обнаруживаются «ответы» постколониальной тональности. Среди них выделяются белорусский и польский проекты национального самоопределения, восходящие, в том числе, к концептуальным построениям межвоенного периода прошлого столетия, когда два народа получили шанс на свободное и независимое развитие. Оформившиеся в то время подходы к решению национального вопроса и сегодня оказывают определенное влияние на духовную атмосферу общества, инспирируя современные белорусские и польские поиски оптимальных стратегий национального развития, теперь уже в новом общекультурном контексте глобализации и социокультурной транзитивности

4. В белорусском мыслительном пространстве по-прежнему актуальной и творчески развиваемой остается концепция «кривичского возрождения» Вацлава Ластовского, находящаяся в парадигме консервативно-традиционалистских поисков этнонациональной идентичности и имеющая национально заостренный характер. Этим обусловлена как жесткая критика автором внешних политических влияний на национальную культуру, предопределивших в ней стагнационные и инволюционные тенденции, так и перспектива «Кривіі», задающая собственно национальные и локально-исторические ориентиры процессам самоидентификации белорусов. Популярной остается идея о европейском (балтском) векторе социокультурной динамики независимой Беларуси, который одновременно смог бы как обеспечить возвращение народа к своим европейским корням, так и гарантировать его самобытность и уникальность в общеевропейском и общемировом масштабе.

**Михаил Рыбаков**

***“Сотрудничество с белорусской диаспорой: перспективы и направления развития”***

Беларусь исторически является многонациональным государством, в котором проживают в межнациональном мире и согласии представители около 140 национальностей.

Ситуация в сфере этнокультурных общностей в республике отмечается традиционной положительной стабильностью, что выражается в отсутствии каких-либо конфликтов на этнической и вероисповедальной основе и является закономерным результатом проводимой государством политики.

Создан Консультативный межэтнический Совет, на заседаниях которого обсуждаются наиболее актуальные вопросы межнациональных отношений и уставной деятельности объединений.

Этнокультурное разнообразие страны особенно ярко проявляется в мероприятиях Республиканского фестиваля национальных культур в г.Гродно.

Изучению белорусской истории поляков, евреев, литовцев, русских, украинцев, татар, цыган, греков и других посвящаются систематические научно-практические конференции с последующим изданием их материалов («Шлях да ўзаемнасці», «Белорусско-украинские взаимоотношения от древности до современности», «Этносоциальные и этноконфессиональные процессы в современном обществе», другие).

Изданы книги о корейцах, чувашах, татарах, азербайджанцах, поляках, латышах, евреях в Беларуси.

Во многих базовых учебных заведениях страны изучаются в разных формах иврит, польский, литовский, новогреческий, украинский и другие языки. Объединениями организованы порядка 65 школ выходного дня, в которых родной язык, историю и культуру изучают более 5 тыс. человек (азербайджанцы, армяне, афганцы, грузины, греки, евреи, корейцы, литовцы, латыши, молдаване, немцы, поляки, татары, украинцы).

Ежегодно организуется конкурс среди журналистов и авторов на лучшую публикацию, передачу в СМИ о духовности, межнациональном согласии, межкультурном диалоге и дружбе народов.

Общественные объединения поляков, литовцев, украинцев, цыган, др. имеют свои печатные органы, которые выходят на национальных, а также на русском и белорусском языках.

В рамках проектов международной технической помощи при финансовой поддержке Офиса ОБСЕ в Минске аппаратом Уполномоченного подготовлен буклет-справочник «Беларусь шматнацыянальная» об истории народов, представители которых живут в Беларуси. Буклет издан на белорусском, русском и английском языках.

В целом, сохранение стабильных межэтнических отношений и развитие конструктивного диалога культур в результате проведения демократической национальной политики является одним из важнейших достижений и главных ориентиров развития и совершенствования государственной политики Республики Беларусь.

### **Natalia Tchistiakova**

#### ***“Nations between the states: The effect of dual national identification on allegiance of minority group members to the “host” country”***

*Non-attachment of minority group members to their country of residence is often considered to be one of the main origins of incoherence in culturally heterogeneous societies. The study of disintegrating tendencies in modern European societies raises issues about the role of national identification of ethnic minority group members in determining their allegiance to the host country. It also raises issues about the role of relative prototypicality of majority group in determining the allegiance of minority group members to the host country. Using data for individuals sampled within 8 east European countries the analyses show persistent differences in levels of allegiance to the host country between respondents with different types of national self-categorization. The results of the analysis favors theoretical arguments for the positive impact of cross-cutting form of national identification with “mother” and “host” nation on the allegiance to the host country under the social circumstances characterized by high perceived relative prototypicality of majority group.*

Current theories of social identity emphasize the important role that identification with higher order category, inclusive for minority and majority groups, plays in formation of intergroup attitudes, social coherence and allegiance of citizens to the country where they constitute ethnic minority. Here we will call it “host” country. Although the name does not fit perfectly into the concept, it fits better than the term “receiving country” borrowed from immigration literature. Thus the category of “nation” is a superordinate in regard to subordinate categories of ethnic groups as, for instance, the category of “university student” is a superordinate in regard to the category of “Somalian student” or “a student of the first year of education”. Common Ingroup Identity Model CIIM predicts that identification of members of different sub-groups with one higher order (superordinate) category benefits positive intergroup relations by developing a new ingroup solidarity (Gaertner & Dovidio, 2000); Ingroup Projection Model IPM where an ingroup’s relative prototypicality is defined as the degree to which the ingroup is perceived to be more (or less) prototypical for a given superordinate group than the outgroup, argues that positive effect of identification with superordinate category on inter-groups attitudes depends on the level of prototypicality. In the corresponding chapter we discuss in more detail what prototypicality means and how it might affect minority group allegiance to the host country. Here we note that according to the developers of IPM the societies where the level of prototypicality is high the double identification with ingroup and superordinate group in contrary increase intergroup tensions (Wenzel, Mummendey & Waldzus,

2007). Castano suggests that although identification with superordinate category might be beneficial for intergroup attitudes it is not always possible since identification is possible only with “entitative” social categories thought of as the extent to which the group has psychological existence for individuals (Castano, 2003).

We assume that current theories of social identity focus on the consequences of identification with superordinate category. We expect that understanding of the factors that stimulate this identification could give a key to resolution of important theoretical as well as socio-political problems of culturally heterogeneous societies.

In our research we develop and test a comprehensive model for predicting allegiance (degree of loyalty) of ethnic minority group members to the host country based on the different forms of national self-categorization. This association is studied under the particular social circumstances of relative prototypicality of ethnic majority group for the superordinate category of “host” nation.

**Мария Веренич**

***“Этнокультурные общественные объединения молдавской диаспоры: стихийный и институциональный аспекты взаимодействия”***

Увеличение масштабов миграции идет параллельно с консолидацией иммигрантских этнических сообществ, их объединением в группы и конгломераты. На новом месте, в иной этнокультурной среде, - выходцы из одной страны или региона объединяясь для адаптации к новым условиям жизни сохраняют эвокативные символы дающие выражение чувствам, свои обычаи, традиции и язык. С этой целью они либо присоединяются к уже существующим диаспорам, либо создают новые. В результате число диаспор в мире непрерывно увеличивается.

Это требует не только новых подходов к миграционной политике, но и новых исследовательских парадигм. Теоретическое осмысление проблем становления и развития диаспор, этнического многообразия и этнической идентичности, мультикультурализма, кросс-культурные исследования получили новый импульс развития в начале 70-х годов прошлого столетия в работах Дж. Армстронга, Р.Кохена, А.Ашкенази, Г. Шиффера, М.Ларюэля, Э.Смита. В отечественной науке проблемы «нации», «этнуса», «национально-этнического меньшинства», «прирожденной этничности» изучались в трудах Ю.В. Бромляя, Л.Н. Гумилева, С.Лурье, М.Губогло, Л.Дробижова, В.Ядова.

Сегодня по своей структуре диаспора выступает в двух основных формах: дисперсий - небольших вкраплений в ино-этнической среде; компактных образований – сплошных этнических районов. Что касается возникновения и становления диаспор, то они образуются либо путем миграций, либо вследствие насильственного отторжения части этноса от основного массива.

Именно в этом контексте говорится сегодня о появлении «новых диаспор», или «пролетарских диаспор», называемых Дж. Армстронгом «непривилегированными проектами современной политики» структурно отличающихся от исторических или классических диаспор, а сама тема оказывается в фокусе исследований политологии, экономики, психологии и антропологии. Также активно в диалог с диаспорами включаются институты власти, политики, создаются координационные структуры для взаимодействия с соотечественниками за рубежом, что подчеркивает стремление использовать их как важный ресурс при решении специфических внутригосударственных проблем (преодоление этнодемографических диспропорций, реализация проекта нациестроительства, решения внутриэкономических и политических проблем). Таким образом, через призму проблемы "соотечественников" можно посмотреть и на особенности государственной демографической и миграционной

политики, и на механизм формирования идеологием "национального возрождения", "национального самосознания", "объединения нации", синдрома "разделенной нации".

Репрезентативен этот феномен на примере Республики Молдова, из которой, по официальным данным, после 1991 года выехало от 800000 до 1000000 человек, средний возраст которых составляет 34-36 лет, а по данным исследований и опросов МОМ, порядка 44 процентов опрошенных в возрасте от 18 до 44 лет изъявили намерение выехать на заработки за пределы страны и только 14 процентов опрошенных отметили намерение уехать на постоянное место жительства.

Молдавские диаспоры, проживающие в таких странах как Россия, Италия, Португалия, Германия, Украина издают газеты и журналы, открывают сайты, представлены в социальных сетях, реализуют различные социально-культурные проекты, сотрудничают, в том числе и с международными структурами и организациями, одинаково активно реагируют на события в стране пребывания и в Молдове. Денежные переводы из-за границы в 2002 году были главным фактором экономического роста в стране, а сегодня представители диаспоры представляют мощную структуру не только в стране пребывания, но и на родине.

Сегодня этнокультурные общественные объединения сформировавшие молдавские диаспоры обладают реальной выборной силой, имеющую серьезное влияние на политическую ситуацию на родине, о чем активно говорилось с высоких трибун в октябре 2010 года на 4 Конгрессе Молдавской диаспоры, на котором была принята резолюция о конкретных мерах направленных на укрепление партнерства между молдавскими мигрантами и родиной во имя строительства «процветающей Молдовы» путем создания в правительстве специализированного органа по работе с диаспорой и Совета диаспоры с консультативной ролью, для поощрения экономических, политических и социальных взаимоотношений с родиной.

### **Nelli Bekus**

#### ***“Belarusian language policy in the context of linguistic human rights”***

There are different concepts of Belarusian nation present in public discourses of Belarus. According to first one, Belarus belongs to the common with Russia Eastern Slavic Orthodox civilization. Statement “we and Russians belong to the same people” reflects such vision of Belarusian nation, which does not see any civilizational border in the East of Belarus. Adherents of this idea are rather inclined to locate this border in the West: “Europe” represents those “Others” in opposition to which the foundation of Belarusian national idea is formulated.

Second concept presents Belarus as the European nation and see the place of Belarusians in Europe. The only possible path of the Belarusian national development is through the re-animation of those period of historical past during which Belarus was connected with Europe much more than with Russia (Grand Duchy of Lithuania and Rzeczpospolita). Referring to the centuries which united Belarusians with Poles and Lithuanians (EU member states today), one can draw the image of European Belarusian tradition based on the shared political and moral values.

There is also third concept of Belarusian nation which presents Belarus as “the meeting point of civilizations”. The moral and cultural reasoning as well as political sense of this concept varies in dependent of the political and cultural context.

First, Belarus is presented as a neutral and self-sufficient country: it is nor East, neither West. This means that none of these “civilizational unities” can be identified as “native” for

Belarusians. There is political motivation behind this idea: by stressing Belarusian uniqueness, the possibility to ignore certain political demands and traditions is legitimized.

Second variation of such “Belarus on the border” concept is connected with the idea of Belarusian nation as a multi-cultural and multi-lingual community.

In my paper I would focus on the political and cultural motivation which can be discovered behind the concept of Belarus as multi-cultural and multi bilingual wholeness and serves to the accommodation of ethnic, linguistic and religious minorities within the framework of "Belarusians".

On the one hand, it serves to preserve existing status quo in linguistic landscape of the Belarusian society. In the context of official discourse the idea of bilingualism is a populist solution of troublesome question about the fate of Belarusian national language.

In the context of oppositional political discourses, thesis about multicultural nature of Belarusian nation allows to adjust the idea of Belarusian nation to the current linguistic situation in the country. It goes along with acknowledgement that concept of Belarusian-speaking Belarusian nation failed, and that the weakness of identification of the Belarusians with national language cannot be overcome under the current political and cultural conditions. In this context, it would be interesting to see the language policy of the Belarusian state, in the context of the linguistic human rights, Belarusian-speaking can be considered as “a linguistic minority” in the Belarusian state.